

СОЛНЦЕ

(РОМАН)

ЖАНР СОЦИАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА

ОТРЫВОК

12

Населённые пункты бомбили. Тонны снарядов сбрасывались на головы мирных жителей. Армия могла применить и менее разрушительное оружие, но это лишило бы войну прелести. Ну что за военный театр без зрелищности? И что за военная кампания без азарта охоты? Тот, кто хоть раз испытал оргазм, рассматривая альтернативную жизнь через прицел огнестрела, уже никогда не сможет удовлетвориться разведением мокроухих кандибобров. История возвела сложную систему социальных надстроек в личности гомо сапиенса. И теперь эта система давит вековой тяжестью на хребет древнему хищнику, затаившемуся во мраке подсознания, не позволяя ему подняться и выйти наружу. По сути, она противна природе. Но если её разрушить, это приведёт к уничтожению цивилизации. Останется лишь мерзость запустения и дикость. Впрочем, дикость была и будет всегда. Основные инстинкты ведь пока ещё никто не отменял. Просто в мирное время дикость прикрыта модой и законами. Вот такая хитрая зверушка этот человек. А диссиденты надрываются: «Человек отличается от животного только тем, что имеет выбор – поклониться или умереть!» Щас! Дурных нет! Низко кланяются. Бьют челом. Припадают губами, содрогаясь от вожделения. Облизывают и смокчут, всеми силами пытаясь доставить удовольствие. Но не всем подряд, а исключительно тому, кто платит. Любят. Любят деньги. Страстно. Искренне. Всем сердцем. И это нормально. Это целиком природно. Ведь всякое чешущееся существо пытается сохранить себя как абсолютную жизнь. Гуманизм и божественность произошли от первобытных традиций и тотемизма и служат в современном обществе

заборами над пропастью, чтобы разгулявшаяся скотина не попадала. Порой кажется, эти категории привнесены в наше сознание эксперимента ради, потому что противоречат законам природы. Если кошка пожалеет мышку, то останется голодной. Примерно так и в мире людей.

- А этого куда? – солдат пнул лежащего на земле мальчишку.

- Ё-моё! Ну пристрели! Кова х...я ты меня спрашиваешь?! – заорал второй, запрыгивая на подножку военного грузовика. Он сел за руль, вытянул зубами сигарету из помятой пачки и развернул карту.

- Дык, патроны жалко, – возразил первый.

- Давай, Лёх, поехали! Чё ты там драчишься?! Через час «Гады» уходят из квадрата. А нам девок на бензин махнуть надо... пока ещё пищат, – он высунулся из кабины и стукнул по кузову. – Ну чё, девчонки, покатаемся?! – затем тревожно посмотрел вдаль. Над серой грядой перевала навис дым. Авиация противника бомбила разрушенные врагом аулы. – Во бл...дь!.. Лезут в нашу зону с-суки! – просвистел сквозь зубы. – Ишь, как поливают!.. Валить отсюда надо, пока и нас не накрыли! Слышь меня?! – крикнул он товарищу.

Тот, немного подумав, снял с плеча автомат и замахнулся, целясь прикладом ребёнку в голову.

Джанк зажмурился. Шпион понимал: всё, что сейчас может спасти, это как в древнегреческом театре «бог из машины».

Водитель повернул ключ зажигания.

Ударная волна отбросила Джанка на несколько метров от взорвавшегося грузовика.

Когда он очнулся, было тихо. Тишина оглушала звоном в ушах. И боль... Такая боль, будто прокололи барабанные перепонки. Перед глазами плыла осыпь склона. Он приподнялся. Рядом лежало обожжённое неподвижное тело солдата. С него сорвало одежду. А из пробитого черепа вытекало светлое густое вещество мозга, смешиваясь с кровью. Поодаль пылал грузовик. Джанк смотрел на охваченный пламенем кузов, на горящего катающегося по земле человека, но ничего не слышал. Всё было как в немом кино. Он поднялся на ноги и в шоке побрёл куда-то по горной дороге.

Солнце стало неудержимо быстро клониться к горизонту, всё ниже и ниже. Горы отбрасывали плотные фиолетовые тени. Смеркалось.

Джанк шёл без остановок весь день и до сих пор никого не встретил. Только группа бомбардировщиков пролетела прямо над ним, спеша вернуться до темноты на базу. Резко похолодало. Ни на минуту не затихающий ветер пронизывал насквозь. Мучила жажда. Организм был настолько обезвожен, что невозможно было высосать глоток клейкой слюны. Язык прилип к нёбу, и на зубах хрустел песок. От высоты кружилась голова и тошнило. Время от времени он останавливался, чтобы вырвать, но рвать было нечем, лишь напрасно травмировал пекущую огнём, воспалённую от голода, утробу. Джанку казалось: он знал, что нужно делать, чтобы выжить; но как ни морщил лоб, не мог вспомнить. Память будто отшибло. Пустота. В черепе звенела пустота. Жизненный опыт не загружался в голову как в неисправный компьютер. Невозможно было выстроить даже самую примитивную мысль, словно вербальные зоны мозга были удалены к чёртовой матери. Сознание постоянно пыталось сбегать, как собственная тень. Оно искажалось и растягивалось, как в кривых зеркалах, и казалось, вот-вот оторвётся от тела. Одни ноги продолжали ритмично идти отдельно от провалившегося в сон туловища, будто верный конь под убитым в седле бойцом.

Джанк остановился и осмотрелся вокруг. Горы. Ничего, кроме серых безжизненных камней. Он принялся из последних сил карабкаться вверх по склону. Наобум. Просто в надежде найти щель между валунами, где можно укрыться от ветра и переночевать. Наконец, он набрёл на большую нору под камнем. Залез туда. Свернулся клубочком, поджал к груди заледеневшие колени и моментально уснул.

Его разбудил оглушительный собачий лай. Он вздрогнул и открыл глаза. В щель всунулась оскаленная собачья морда. Она рычала, и по углам вонючей пасти текла слюна. Шпион с сожалением подумал о своём прежнем теле. Ведь если бы он сейчас был дядей Авадоном, он бы взял шавку за челюсти и разорвал на части. Но теперь он лишь слабый ребёнок, и всё, что остаётся – забиться подальше в угол. Через несколько минут рядом с собачьей мордой появился ружейный ствол. Мужик в чёрной пидарке, обтянувшей его маленькую голову, долго рассматривал ребёнка, дёргая заячьей губой и продолжая целиться. Собака захлёбывалась лаем. Присмотревшись, человек опустил ружьё и оттянул упирающегося пса. Джанк вылез наружу.

Перед ним стоял низкорослый худой евразиец, одетый в потёртую кожанку и сильно запylённые туфли. Это был кочевник. На вид ему было лет пятьдесят. У него было серое, изъеденное оспой лицо с глубокими морщинами. Это неприятно контрастировало с молодыми наглыми глазами, мутно голубыми от наркоты. Фигура также выдавала реальный возраст пацка: тридцатник, не больше. Внизу на дороге стояли два усталых яка, гружёных походной утварью. Женщина с младенцем за спиной держала караван за удила и напряжённо смотрела вверх. Рядом стояли двое детей постарше. Все ждали, задрав головы. Пёс не умолкал. Как хозяин ни старался его умирить, он, вырывался, задыхаясь от лая.

- Ты кто такой? – подозрительно спросил кочевник.

- Я Джанк, – ответил шпион.

- Чего ты здесь делаешь?

- Я? – растерянно переспросил мальчишка. – Я один остался.

Остальных убили.

- Кого убили? – не понял кочевник.

- Всех! Аул сожгли! Всех постреляли! А нас затолкали в грузовик и увезли! Хотели продать «Гадам»! Вернее обменять на бензин.

- Кто? – прохрипел кочевник.

- Шурави.

Услышав это слово, кочевник снова задёргал губой и с ненавистью сжал ружьё:

- Ну?... Дальше что?

- Грузовик был заминированный. На Дамайджи взорвался. А я на земле лежал. Надо мной стоял солдат и целился. Потом взрыв. Потом не помню. Потом открыл глаза: грузовик горит, а солдат мёртвый. Потом... Потом я шёл весь день... – Джанк замолчал.

По лицу кочевника было видно, что он думает. Ничего не сказав, он резко развернулся и пошёл: вернее, поехал вниз по склону, поднимая в воздух пыль. Каменистая осыпь поплыла под его ногами. Тощая рыжая собака, радостно виляя хвостом, бросилась следом.

Весь день Джанк брёл за семейством кочевников, держась при этом на расстоянии. На закате караван остановился на ночёвку. Люди разгрузили яков и установили шатёр. Затем женщина принялась

колдовать над кипящим на огне котлом. Джанк обессилено лежал на нагретом за день камне и смотрел, как готовится ужин. Он уже совсем не чувствовал своего тела, лишь тяжёлые веки постоянно пытались сомкнуться. Солнце угасало. Цвета блекли. Всё смотрелось, как сквозь толщу воды. Словно уже не на этой земле... Джанк почувствовал, как его высушенную невесомую плоть отрывает от тёплого камня и начинает возносить. Горстка копошащихся маленьких человечков посреди бескрайней пустыни, дотлевающей в лучах угасающей красной звезды, отдалялась, становилась меньше, незначительней...

Наконец, ужин сварился. Все уселись вокруг костра. Женщина разлила дымящуюся похлёбку по мискам. Муж задумчиво поболтал ложкой, выскивая мясо в супе. Не найдя, с раздражением поставил миску на землю и, обернувшись, крикнул:

– Эй, ты, недобитый! Жрать хочешь?

Жена укоризненно посмотрела на мужа и только тяжело вздохнула.

На рассвете караван снова отправился в путь. Так уже две недели они шли, преодолевая перевалы с трепещущими на ветру молитвенными флагами, долины грохочущих рек и опаляющие солнцем пустыни, в направлении на запад к границе с Небом. Они поднимались всё выше и выше. Давление понижалось. Воздух становился холодным и разрежённым. Вдали, на фоне тёмно-синего неба, уже пылали снежные пики. Здесь продвижение вперёд замедлилось. Поход затрудняли крутизна скал и кислородная недостаточность, от которой до рвоты болела голова. Порой, чтобы сделать шаг, требовались колоссальные мышечные усилия, будто на плечах сидел сам праотец человечества – могучий красавец, король обезьян. И всё это притом, что никто из путников не мог сказать точно: куда, в какую сторону нужно идти. Никто не знал маршрут. Они искали страну, которой не было на картах. Небо, куда они направлялись, было легендарной обителью богов, в существование которой верили ещё древние племена, осевшие в этой бесплодной с суровым климатом местности. И, наверно, поэтому легенда о благодатной, не ведающей ни голода, ни болезней, земле с горящим золотом днём и мерцающем серебром ночью чудо-царстве-государстве, которым справедливо правит великий Евро, передавалась как причастие из уст в уста, от отца к сыну. Считалось, что тому, кто получит вид на жительство в этой стране,

откроется тайная доктрина, и он займет своё комфортабельное место под солнцем, в одном ряду с бессмертными богами. С развитием высоких технологий либидозные начала, как ни странно, окрепли, и эпидемия мистицизма с новой силой охватила планету. Таким образом, примитивная легенда завладела многими беспокойными сердцами и ведущими умами человечества. Небо привлекало неизведанностью, неизгаженностью и несметными ресурсами. Его упорно и безуспешно искали путешественники всех времён и народов: пророки, писатели, духовные лидеры, авантюристы, шпионы, альпинисты, учёные, беглые рабы, разорившиеся на бирже маклеры, диктаторы одержимые жаждой мирового господства. Каждый преследовал свою цель оправдывающую любые средства. Что касается кочевников, их цель была тривиальна. Этих несчастных не столько влекло Небо, сколько безвыходность и острая нужда гнали их туда в заоблачную высоту, где, наверняка нет светлого государственного праздника любви и водки Тара-цзынь, нечем кормить скотину и где могут жить лишь закончившие земной путь просветлённые коммунисты. В Небе кочевники надеялись укрыться от всех бед разом. И от бьющей куда попало (будто у них там все пьяные) русской артиллерии, и от наводящих ужас на всё живое бомбардировщиков дяди Сэма. Словом, спрятаться от мирового зла, как в детстве от Бабая под одеялом, и там переждать разлившуюся по миру огненную чуму.

На протяжении пути Джанк честно отработывал свою миску супа. Он выполнял мужскую тяжёлую работу наравне с отцом семейства: помогал ему заворачивать коноплю в захватывающие дух картинки из "Playboy"; чинить тент, каждую ночь падающий на головы спящих; и мастерить капканы для ящериц, в которые ещё ни одна хитрожопая тварючка так и не попала. Кроме того, теперь он вместо беременной жены кочевника ходил с гроздьями пластиковых бутылей к реке за водой. Вместе с ним ходила Айгуль – старшая дочь. На вид – ровесница Джанка (лет десяти). Согласно местным традициям, это был возраст, в котором девочек выдавали замуж, и поэтому в ушах Айгуль пылали молодой кровью два красных варгоновых камня. Давно немытая голова, обмороженные щёчки и эти серьги... Ребёнок выглядел мечтой извращенца. Но для этого, в конце концов, серьги и надели. Красный цвет у народности горцев считался символом любви и непрерывности рода. В этих краях серьги с красными камнями носили все

представительницы слабого пола от детей до старух. Это был сигнал для мужчин, и он никогда их не обманывал. Супружеские отношения здесь не имели моральных ограничений. Традиционной формой брачных союзов на протяжении тысячелетий оставалась полигамия. Так легче было выжить на обглоданной ветрами земле. Но, невзирая на скотские условия, люди выглядели удовлетворёнными. И не удивительно: на удовлетворении у горцев строились все обычаи. К примеру, для простолюдина считалось честью, если в первую брачную ночь его жену брал господин. Господин за это мог дать жене червонец. А на червонец можно бухать целую неделю. Но самой удачной сделкой был неравный брак. Особенно хорошим знаком считалось заключить неравный брак в третью дырку полной луны зимнего месяца года вонючего кота. И чем вонючей был кот, тем священной слияние с божеством капитала. Ну а всем остальным, кому не повезло удачно родиться или жениться, оставалось просто расслабиться и получать удовольствие. В конце концов, люди понимали: жить в гармонии с природой – не так уж и плохо. Наоборот. Это естественно. И всё вокруг было естественно. Натуральные, экологически чистые, ароматы исходило всё, с чем соприкасались теплокровные. И любовь была самой настоящей: какой бог создал. Животной. Нелицемерной. Говорят ведь, истинная любовь слепа – вот никто особо и не присматривался к любимым. Главное – чтобы было чем и куда; а всё остальное – от злых духов. Но любая женщина, хоть убей, не может себе позволить быть некрасивой. В Горном Бабахе эталоном красоты считалась Венера-Афродита Бабахская. Или просто Афробаба. Богиня красоты была пластилиновой статуэткой с длиннющими до бесстыдства ушами, слегка прикрывающими худую отвисшую грудь. Современные женщины брали с неё пример и также не стеснялись своих ушей. Дело в том, что серьги были тяжёлыми, и к двадцати годам мочки у венерянок или венеричек (местный диалект допускал любые произношения) – так вот мочки ушей у них оттягивались и болтались, как у слонов. Что такое слоны, суровые горцы не знали и знать не хотели. Им хватало господских побоев и неподъёмного кайла, которым с утра до ночи нужно было долбить камень, чтобы не сдохнуть с голоду.

Тем временем, природа делала своё непыльное дело, и солнце, как сказочное колесо сансары, медленно катилось на запад. Оно уже балансировало на лезвиях островерхих гор. И дальняя туманная гряда

стояла в небе, как мираж, как плоская съёмочная декорация. С вершин гор, словно гигантская паутина, свисали косые солнечные лучи и освещали скалы на восточной стороне ущелья, по которому неслась грохочущая река. Джанк и Айгуль брели по берегу. Они искали место, где можно набрать воды. Следом бежал рыжий пёс, покачивая закрученным в бублик хвостом, и обнюхивал камни. Айгуль, как заведённая шарманка, без умолку, монотонно напевала. Её скрипучий голосок, будто проволокой, ковырял в воспалённых ушах. Сегодня они преодолели Фабрику ветров – самый высокий перевал. Идти пришлось с «кошками» и в связках, потому что склоны перевала покрыты ледником. А ветра там такие злые, что душу выдуют. Джанк натянул на голову штук десять полиэтиленовых кульков, но и это не помогло, всё равно продуло уши. Боль в ушах была мучительной. Обожжённые солнцем глаза пекли и слезились. Губы растрескались до крови. А спину, от кулмаков, переложённых с животных на человеческие горбы, ломало так, будто в позвоночник залили расплавленное железо.

Наконец, они нашли удобное место. Джанк присел на краю валуна и опустил бутылку в воду. Руки мгновенно обожгло холодом. Вода была ледяной. Пальцы сводило судорогой. Айгуль подошла и села рядом. Она долго наблюдала, как мальчишка, нагнувшись, держит бутылки крепко-крепко, чтобы не унесло течением, затем, наполненные, кряхтя поднимает и, перекосячившись, носит на берег. Айгуль вдруг наклонилась к потоку, зачерпнула в горсти воды, плеснула Джанку в лицо и залилась смехом.

– Как примитивно устроен мир, – подумал шпион, рассматривая круглое девичье лицо. Его взгляд опустился ниже на грудь, где ритмично вздрагивал бант из блестящей бумажной ленты, которой украшают подарочные упаковки. Он впервые обратил внимание на пёстрый узор национального платья, натянутого поверх свитера. Затем его взгляд привлекли засаленные рукава свитера. А под мышками свитер прохудился до дыр. Казалось, он прилип к телу, сросся с кожей. Спортивные штаны с логотипом adidas заканчивались босыми чёрными от грязи ступнями. Девчонка нервно поджала пальцы с остатками лака на ногтях. Её рот приоткрылся, и губы со страхом стали приближаться к губам мальчишки... – Как примитивна на самом деле человеческая природа! Как много надуманного создаёт

цивилизация на пути развития. И это потому, что в понимании мироустройства сложнее идейная сторона, а не техническая. Для чего мы живём? Какой смысл в наших животных радостях и страданиях? И самое ужасное: почему мы всю жизнь задаёмся вопросом, на который нет ответа. В каком бы направлении мы ни двигались, от первого до последнего шага мы лишь заблуждаемся. Может, умнее те, кто просто скачут по кругу, с достоинством качая крупом. Не останавливаясь. Не задумываясь. Что толку мучиться? А так – свежий овёс и тёплое стойло.

В небе появился вертолёт.

Увидев испуг в глазах мальчишки, Айгуль обернулась.

– Вертушка! Бежим! – Джанк бросил бутылку и рванул к скалам. Айгуль – за ним.

С вертолёта им наперерез открыли огонь. На Земле будто исчезло тяготение. Берег взлетал, рассыпаясь галькой. Джанк упал и закрыл голову руками.

Когда грохот пулемётов стих, уши заложила тишина. Джанк посмотрел в небо. Вертолёт поднялся на высоту, и кружил над ущельем. Он то исчезал за облаками, то снова появлялся. Затем стал снижать высоту. Как сквозь толщу воды начал доходить звук. Звук нарастал. Подскочив, дети понеслись к скалам. До скал оставалось совсем чуть-чуть, как снова наперерез открыли огонь.

Пулемёты смолкли. Теперь был слышен только двигатель. Через какое-то время и он затих. Дети лежали неподвижно. Выждав, пока вертолёт наберёт высоту, они подскочили и рванули к скалам. Айгуль споткнулась и упала. Джанк помог ей подняться. Но она снова споткнулась. Вертолёт, развернувшись, зашёл со стороны скал. И снова застрочили пулемёты. Дети побежали обратно – к реке. Но перед самой водой град ледяных брызг окатил с ног до головы.

– Разбегаемся! – крикнул Джанк.

Пилот ухмыльнулся и с задором хлопнул напарника по плечу.

Тот запрокинул бутылку, хлеща из горла. Водка текла по подбородку, шее, стекала за ворот армейской куртки. Он, кривясь, обтёр рукавом с нашивкой военно-воздушных сил мокрые губы. Удовлетворённо оскалился и издал охотничий вой.

Вертолёт зашёл перед бегущей девчонкой. Пилот выстроил машину так, что обе цели оказались на одной линии, и открыл огонь.

Айгуль бросилась обратно. Джанку палили по пяткам. Он что мочи бежал вперёд, перед ним взлетали камни, он сворачивал, снова отрезали путь. Он метался туда-сюда. И остановился. К нему подбежала девчонка и прижалась, вцепившись в ватник. Пальба смолкла. Джанк стоял, запрокинув голову, и тяжело дышал.

– Смотри! – дёрнула Айгуль.

Река несла лодку.

Джанк толкнул девчонку:

– Давай! – а сам бросился к скалам.

Пилот сплюнул сквозь зубы и сильно снизил высоту. Пронесшись над мальчишкой, прибил ветром к земле и остановил пулемётной очередью девчонку.

До скал было рукой подать. Джанк оглянулся. Айгуль стояла у реки и рыдала. Он посмотрел на скалы. На Айгуль. На скалы... И бросился к девчонке. Подбежав, толкнул её в воду. И вдруг её подбросило. На доли секунды она будто замерла на лету, и из её тела вырвались чёрные струи крови. Её дробило, как куклу Пиньяту на празднике Чинко де Майо. Куски плоти, клочья одежды – падали вперемежку с галькой. Джанк замер, как вкопанный. Казалось, расстрел длится очень долго и всё не кончается. Он посмотрел вверх. Из пулемётов по бортам вырывался огонь. Мальчишка попятился, споткнулся и упал.

Пилот поднял кулак, а напарник – бутылку водки. Они чокнулись. Затем напарник достал из кармана женскую серьгу из серебра с большим красным камнем и, зацепив за карман, повесил себе на грудь как награду.

Вертолёт приземлялся. Ветер от пропеллера трепал на Джанке ватник, пытаясь сорвать. Торнадо водных брызг и песка поднялось в воздух. Мальчишка отвернулся, закрывая глаза. Сила ветра прибила к земле. Он лёг и накрыл голову руками.

Внезапно в наушники пилота ворвался голос. У него исказилось лицо.

Почти приземлившись, вертолёт вдруг стал подниматься. Рядом с Джанком упала и разбилась бутылка.

Пилот гневно взглянул на напарника. Сорвал с него трофей и вышвырнул за борт.

Вертолёт, круто накренившись, развернулся и стал уходить. Он удалялся, растворяясь в кровавом закатном небе. Собака, прижав хвост, растерянно бегала по берегу и обнюхивала всё, что осталось. Река уносила вдаль пустую неуправляемую лодку.

А спустя пару минут по небу над ущельем пронеслись истребители противника. Джанку стало плохо, он потерял сознание.

– Хай гай! А ю о'кей? – услышал, приходя в себя. Кто-то небожно пинал ботинком в бок. Джанк открыл глаза.

Он недоумевал: на хрена его привезли на военную базу? Тревожные догадки начали посещать мальчишку, когда его нарядили амуром: раздели догола, приклеили к спине золотые крылышки и повесили через плечо лук с колчаном стрел, а на голову напялили белый кудрявый парик. Затем обмазали розовым маслом и затолкали в дуло трофейной Царь-пушки. Джанк понимал: затевается какой-то большой праздник.

Так оно и было. На площади выстроились роты. Тысяча солдат в новенькой, только вышедшей из-под портновской иглы, парадной форме с кисточками, значками, цепочками и прочими аксессуарами, дезориентирующими подлый глаз врага. Молодые бравые солдатики, невзирая на жестокую полуденную жару Азии, уже час стояли навтыжку, как пингвины на берегу моря. Они крепко прижимали к груди парадные винтовки и суровыми неподвижными глазами смотрели вперёд. Многие из них просто спали.

– Батальё-о-н! – вдруг заревел командующий. – Слушай мою команду! Р-равнение на пр-раво-о!

Вся тысяча как один вздёрнула в приказанном направлении подбородки и застыла, не смея моргнуть. Спустя пару минут, на площадь въехал свадебный кортеж. Дирижёр взмахнул волшебной палочкой, и грянул марш Мендельсона. Оркестр на плацу ревел, как в День Победы. Не заложило уши только самим музыкантам, потому что они были уже давно глухими. По флагштоку пополз вверх голубой с красными поцелуйчиками флаг. Погода, как всегда, была знойной и безветренной. И чтобы гордость нации не свисала, как соседские трусы на антенне за окном, местные кулибины изобрели нехитрое устройство: к столбу флагштока прикрепили вентилятор. Когда этот «Мулен Руж» запускали в работу, на территории базы под страхом

трибунала запрещалось пользоваться электрочайниками. Тем временем, колонна армейских джипов плыла в горячем воздухе. Она приближалась, как мираж в пустыне. Впереди колонны шёл танк Separated Nation, украшенный мексиканскими черепами и воздушными шариками с надписью "Macdonalds". Наконец, эскорт остановился. К джипу с плюшевым покемоном на капоте подбежали капралы в белоснежных перчатках и открыли дверцы. Под раскатыстое, как гром, троекратное «ура» из машины вышли жених и невеста. Одеты они были в парадную военную форму и выглядели примерно одинаково, потому что оба были мужчинами. Единственным отличительным знаком был букетик лилий в руках чернокожего красавца. Жених был намного старше невесты. Женихом был сам Генерал. Несчастной молодой не осталось и надеяться, что будущего супруга застрелит какой-нибудь снайпер-фундаменталист. Туловище Генерала покрывала кольчуга орденов и медалей. Они так блестели на солнце, что великий полководец был похож на космического пришельца. поприветствовав солдат, молодые пошли под руки по красной дорожке к алтарю, где их уже ждал священник.

Когда молодых объявили мужем и женой, площадь застыла, и это был апофеоз церемонии. Под сжимающую нервы барабанную дробь их губы слились в поцелуе. У Джанка оборвалось сердце, и горячая моча потекла по ногам. Офицер поднёс пылающий факел к пушечному запалу. Джанк почувствовал страшный удар в ступни. Боль прошла по телу, сотрясла мозг и снова ушла в пятки. Когда из пушечного дула вылетел разбойник-купидон, солдаты насадили на винтовки штыки и подняли вверх. Вырос лес лезвий. Каждый хотел поймать амура на свой штык: ведь это, согласно доброй примете, означало, что следующее бракосочетание будет его.

Говорят, в минуты смертельной опасности время замедляется. На самом деле, не время замедляется, а процессы в мозгу получают ускорение. Поэтому, глядя на приближающуюся смерть, шпион не суетился. Он знал: есть минутка, принять последнее решение. Страх отступил. Остался внизу шевелиться червями в кладбищенской земле. А здесь в небе парит лёгкий и неуязвимый бог. Бог войны. И всё что нужно – унести с собой побольше скальпов. К тому же, обстоятельства только способствуют: взрыв бомбы в воздухе мощнее, чем на земле.

А в это время, отважный русский командир ширнулся, чтоб не так харило с утра, и артиллерия начала расстрел гор. Первый же снаряд зацепил восьмитысячник, возвышающийся над вражеской базой. В месте попадания поднялось в воздух облачко дыма и, как струя крови, вырвалась и потекла лавина. Её мощь стремительно нарастала. Показалось, будто гора зашевелилась и все увидели, как целый западный склон отделился и... Снег покрылся трещинами и вдруг, в мгновение ока, обрушился гигантской апокалиптической волной. Роты, побросав оружие, пустились наутёк. И в эту лихую годину долгожданный, приносящий удачу, амур свалился, как снег, на голову дезертира. Шея предательски хрустнула, боец упал на плац и так и остался лежать. Земля гудела под солдатскими сапогами, словно по ней неслась конница. Чтобы не затоптали, Джанк залез под труп. До базы докатилась воздушная волна и покрыла песчаной пылью.

Когда гнев природы сошёл на нет и суматоха улеглась, заметили солдата, мирно распростёртого на плацу. Кто-то достал пудреницу и поднёс зеркальце к разбитому носу павшего защитника отечества. Несмотря на сексуальную демократию в рядах самой сильной в мире армии, тайм-менеджмент здесь знали на отлично, поэтому трупоборочную машину подогнали сразу же.

Два работника морга в ярких комбинезонах с принтами «WANK e R.» на спинах выгрузили труп из машины и положили на каталку. Один Харон запрыгнул на подножку спереди, второй – сзади. Этот потянул на себя дрын и автокаталка, скрипя колодками, поехала по тёмному длинному коридору. Труп доставили в сортировочную и уложили, в порядке очереди, на траурно-чёрную резиновую ленту конвейера.

– Этого забираем? – в гробовой тишине раздался сиплый простуженный голос морг-брата.

– Нет, – гаркнул второй. – Это же Микки Маус. Ты что, не видишь?!

Первый подошёл ближе и внимательно посмотрел на целлофановый мешок, опечатанный гарантийными лентами. Труп сильно раздуло. Груз-200 выглядел гигантским, словно там внутри был не человек, а слонёнок.

– Сынок Президента? Вот чёрт! Слушай, Бобби, а что этого мазаля действительно хотят запустить в космос? А?

- Томми, мать твою! Ты что, совсем ящик не смотришь?! В среду День космонавтики. На мысе Фридом стоит ракета с алмазной самоотопливаемой труной на борту. Президент с супругой провожают в последний путь своего старшего сына - героя, кавалера Ордена Почётного легиона, генерала армии, миротворца, выдающегося общественного деятеля и мецената, двадцатитрёхлетнего Миккиланджи Глори. Все флаги на госучреждениях приспущены. Народ оплакивает невосполнимую потерю и скорбит вместе с семьёй погибшего. Эту херь крутят бегущей строкой по всем каналам. День и ночь! Ну прикинь, на баб голых в «Клубничке» смотришь, а от них трупняком смердит.

- В натуре? - сам не понял зачем, переспросил первый. - Да ладно! Что люди не знают, какой он, хренов герой!? Его невмазанным последний раз мамаша в роддоме видела. У него же мозги в наркоте сварились. Деятель!.. Разве что в штаны наделать мог, а так... - он махнул рукой. И вдруг воскликнул с обидой: - Ну почему я не сын Президента?!

- А если бы ты им был, - устало произнёс Боб, - что тогда? Написал бы завещание похоронить тебя в федеральном коллекторе и заложить в рот какашку?

- Чего!? - скривился Том.

- Да ладно! - ухмыльнулся Бобби и хлопнул друга по плечу. - Дак видел, как ты в школьном сортире пальцы облизывал. Вы же вместе в Дарлстоне учились, верно?

- Да пошёл ты!..

Посыпая друг друга английскими нецензурными выражениями, коллеги резво оседлали свою чудо-машину и умчались обратно на тот свет злые, как черти, за новыми душами.

Когда скрип каталки смолк, воцарилась гробовая тишина. Джанк расстегнул пуговичку кителя на груди у трупа и сделал сначала маленький глазок. Убедился, что поблизости никого нет. Затем расстегнул остальные и высунулся наружу. Он осмотрелся по сторонам. В помещении никого не было, кроме двух тихих, ещё не завонявшихся, жмуров в камуфляже. Павшие выглядели не по-геройски. Плохо выглядели, ничего не скажешь. Похоже, какими их нашли в казарменной параше, такими сюда и притарабанили. Один лежал с высунутым языком, а на предплечье был затянута жгут. У второго - спущены штаны. А дальше за ним чернели ворота ада. Вход туда

прикрывала резиновая шторка-бахрома, мокрая и вонючая – как в социальной столовке, где съеденное подступает к горлу, стоит только отвлечься на особенности кухни.

Труп Микки Мауса привезли в столицу, в fashion-студию всемирно известного стилиста по усопшим Коши Кончегго. Или просто Коко. Так его называли в мире моды и искусства. Поправив перед зеркалом бабочку на своей худой, бледной, похожей на куриную, шее, маэстро вошёл в мастерскую, где на рабочем столе, в окружении свечей и ароматических ванночек с цветами, уже лежал приготовленный для работы клиент. Коко подошёл к столу и посмотрел на труп. Было не похоже, что сын Президента, кавалер Ордена Почётного легиона и генерал армии, геройски погиб под шквалом вражеского огня в кровопролитном бою на Китайском перевале. Вены у покойника были сплошь в синяках, а тело так раздуло, что он занимал своей важной персоной весь широкий мраморный стол. Жмур-дизайнер с любопытством рассматривал лицо героя. После смерти Микки Маус стал ещё больше похож на мультипликационного персонажа. Коко открыл ящик с инструментами, взял флягу со спиртом, и немного вдохновился. Затем надел стерильные перчатки и прошмыгнул по карманам покойника. Проверил воротник и манжеты. С трудом содрал прилипшие берцы. Погнул подошву. Ничего. Взял отвёртку, вставил покойнику между зубов, раздвинул челюсти и заглянул в рот. И там ничего хорошего не оказалось. Вдруг тишину рабочей атмосферы пронзил громкий и залиvistый звонок мобильного. Взглянув на экран, маэстро скривился. Он некоторое время теребил в руке разрывающийся телефон. Наконец, нажал на кнопку:

– Да... Да, дорогая... В студии... Работаю... Нет... Нет... Один... Ну, в смысле с клиентом... Нет... Нет... Мужчина... Мёртвый... Да, труп... Мужчина!.. Да, ну труп, тебе говорю!.. – не выдержав, заорал Коко. Из мобильного брызнули короткие гудки. – С-сука! – доведённый до бешенства маэстро замахнулся в порыве разбить телефон.

– А-а-пчхи-и! – раздалось утробным рыком сзади.

Телефон сам выскользнул из задеревеневшей ладони. Коко обернулся. В комнате никого не было. В недоумении повертел

головой. Пусто. Тихо. Треск свечей в тишине. Он обошёл стол с покойником и заглянул под крышку. Никого. – Фух! – выдохнул и присел на край стола, – Вот это я устал! – он взял флягу и отхлебнул.

– А-пчи-и! – рявкнуло прямо за спиной.

Он выплюнул, чуть не подавившись, подскочил, и одним прыжком оказался у стены.

– А-а-пчи-и! – прямо на глазах содрогнулся труп. – А-а-пчи-и! А-а-пчи-и! А-а-пчи-и! – тряслось, как в трамвае, мёртвое тело. – А-ар-а-а... Ах... Ой!.. Ой, бя!.. – облегчённо выругался покойник и, наконец, утихомирился.

Коко оторвался от стены и осторожно кошачьими шажками подкрался к столу. На взволнованной воде плавали, кружась, как в венском вальсе, свежесрезанные бутоны. Постреливали оплавляющиеся свечи. Покойник лежал неподвижно, как и полагается усопшим. Дизайнер наклонился над его лицом и подозрительно заглянул в глаза. Чёрно-белые застывшие на выкате шары. В них не было ни намёка на недовольство обслуживанием, лишь пустота и смерть. Тогда Коко перевёл взгляд на живот трупа, возвышающийся отвратительной горой. Вдруг живот вздрогнул, как жележный торт. Коко тоже вздрогнул. Затем нерешительно протянул руку и приложил ладонь к ледяному пузу мертвяка. Тело было беспокойно. Оно, то заходило дрожью, то замирало. Коко взял ножницы и разрезал майку героя, пропитанную кровью. Живот трупа оказался распанаханным сверху донизу. За долгие годы работы со смертью стилист по усопшим многое повидал. Всегда циничный и исполненный сарказма он сам не понимал, что с ним случилось. В сознание ворвались дурацкие сцены из фильмов ужасов. Одна за другой, как штормовые волны, они окатывали, пытаясь сбить с ног. Хотелось выбежать из комнаты. Он взял флягу. Допил оставшийся спирт. И надел хирургическую маску. Покрывшись испариной, поднёс руки к зловеще чернеющей линии разреза. Обмирая от страха, потрузил пальцы внутрь и раздвинул края плоти... Естественно, он знал о холодных ночёвках в пустыне, где люди, чтобы не околеть до утра, забивали животных, вспарывали им животы и залазили внутрь. Но то, что он увидел воочию, заставило сморщиться от отвращения. Из смрадного ледяного мрака чрева мертвеца, разлагающегося уже не одну неделю и кишящего

червями, смотрели два глаза. Скрюченный во внутриутробной позе, безумный, трясущийся от холода ребёнок изо всех сил боролся за жизнь в умерщвляющем его трупe.

– Вылезай, – приказал стилист, отворачиваясь от вони.

Ребёнок не шелохнулся, лишь сильнее затрясся и ещё громче застучал зубами.

Коко понял: мальчишка не видит его и не слышит. Это ступор. Инфекционно-токсический шок. Тогда жмур-стилист, ещё раз совершив над собой усилие, погрузил руки в кошмарную мерзость, ухватил ребёнка за плечи и вытянул наружу.

© Ю.Богданова
2013 г.